

Маяковский и современная поэзия

В постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» сказано: «Большой успех политического романа, публицистического фильма, драмы и поэзии показывает, что это направление в художественном творчестве отвечает духу времени».

В «ЛГ» (№ 29, 1982) было напечатано письмо кандидата филологических наук О. Смолья. «Жизнь Маяковского поэта, по нашему глубокому убеждению, только начинается, — писал чита-

тель. — Возвращаясь к Маяковскому, мы так или иначе решаем проблемы сегодняшнего дня». И еще: «Однако сегодняшней поэзии недостает, на мой взгляд, гражданской страстности, взрывчатой силы и боли Маяковского».

Это письмо вызвало большой интерес писателей и читателей. Сегодня, публикуя статью критика Ст. Лесневского, мы начинаем дискуссию, которую назвали «Маяковский и современная поэзия». Надеемся, что в ней примут участие все те, кому дорого поэтическое слово.

«ЧЕСТНО говоря, надоели дискуссии о поэзии», — произнес несколько лет назад один известный наш критик, занимающийся проблемами поэзии. Надоели или не надоели, но надо признать, что дискуссии эти (а они, мы помним, не ограничивались статьями и выступлениями, но шли и в стихах, в самом состязании стилей) дали, на мой взгляд, очень много ценного для понимания путей развития советской поэзии. Но вместе с тем волюно или неволюно в иных выступлениях, в иных стихах как бы сместился акцент, и в результате объективно было преуменьшено значение гражданской поэзии, традиции Владимира Маяковского в многонациональной советской

го пушкинскому великодушию. («Издревле сладостный союз поэтов меж собою связует...») Но не в этом дело. Не последил ли автор отпраздновать «победу»? Стоило, пожалуй, прислушаться к голосу другого поэта: «Но поражений от победы ты сам не должен отличать...»

Но в искусстве побеждают художники, а не сборные «команды». И только время оценивает итоговое значение поисков и свершений. Мне уже доводилось цитировать стихи Владимира Соколова, прямо относящиеся к полемике наших «архаистов» и «новаторов», «традиционалистов» и «ниспровергателей», «тихих» и «громких» лириков. Это один из возможных ответов тем, кто торопится с подведением итогов:

Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых,
Поезд мчался с прежним напряженьем,
Где-то в самых дебрях мироздания,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
И поэт не уклоняется от скорости века:
Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лягзаньем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мироздания.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье

своего дара, все-таки не стал счастливым и спокойным человеком: там, где был «угль, пылающий огнем», зияет «незаживающая рана», рана кровоточащая... Дирика Василия Казанцева, мне кажется, психологически убедительно продлевает этот образ и показывает, что стало с поэтом в результате такого превращения. Поэт лишился творческой дерзости:

Но трепещет душа — и боится
Окончательно слово сказать,
И куда-то неясно косится.
И — еще соглашается ждать.

И такое состояние — мука, с которой поэт осужден жить: «Не вас, суровых, укоряю. Себя, несмевавшего казнию». Но что значит для поэта — сместь? Это значит занять откры-

Суровой музе гордости и мщенья
И даже сам порою устаю
От всегосласся и от всепрощенья.

«Устаю»... — признание характерное. И все же: «Но все равно пленительно мила игра, забава в этом мире грозном...» К чести поэта, он и сам осознает, сколь существенны на этом пути духовные утраты.

И действительно, подлинная поэзия не чуждалась «суровой музы гордости и мщенья», рожденной «для сокрушенья зла».

Критик Сергей Чупринин верно подметил, что никто из поэтов сейчас не хочет нарушать свои сложившиеся «амплуа». А ведь сложившиеся «амплуа», успокоенность, умеротворенность, довольство сделанным приводят к падению авторитета самой поэзии.

Нельзя не обратить внимания на упадок репутации поэтического сборника — этой «единицы измерения» изданий стихов. Дело не только в напоре количества, которое заставило Александра Твардовского признаться: «Будь я самым отчаянным стихолобом, но зачем мне сотни книжек стихов, вышедших за тот же отчетный период?» Можно ответить на этот возглас, что только из сотен отбираются единицы, что необходимо и состязание книг, чтобы выделить лучшее. Но искусство русского поэтического сборника знает такие книги, как «Сумерки»

Ст.
ЛЕСНЕВСКИЙ «

НАЧИНАЕТСЯ ТАМ,

ГДЕ ЕСТЬ

ТЕНДЕНЦИЯ»

поэзии. Преуменьшено значение той поэзии, которая, по слову Маяковского «...начинается там, где есть тенденция».

Остановлюсь в этой связи на одном стихотворении Валентина Сидорова, чье творчество и деятельность я ценю (и об этом писал, в том числе и о его поэме «Железные розы», посвященной Маяковскому), но с чьим толкованием традиции и новаторства я в данном случае не могу согласиться:

А победили не новаторы,
А ведь когда-то — боже мой! —
Слова дымилась, словно кратеры,
Над обалдевшей толпой.

И был их стих неподражаем,
Когда с загадочным лицом,
Воображение поражая,
Ходил по сцене колесом.

Я вспоминаю эти схватки,
Себя, ликующих друзей.
Трясло, как будто в лихорадке,
Политехнический музей.

Преврем цитату... Что же вспоминает поэт? Вспоминает цирковые номера, игру, эстрадный угар. А ведь автор этих стихов, как видим, и сам был увлечен поэзией «новаторов». Вероятно, в тот момент он и его «ликующие друзья» воспринимали выступления молодых поэтов не как зигзаг моды, а как одно из выражений духа времени, в том числе и своих чувств и мыслей. И действительно, поэзия — не смежная одежда и кумиров, а развитие общественного сознания, где стихи тесно сплетены с более широкими и глубокими социальными и художественными процессами. Но Валентин Сидоров не хочет вспомнить на этот раз ничего, кроме внешних примет бурного интереса к поэзии в те годы, когда начинали «новаторы». И заключает:

Какие страсти в нас бродили!
Восторг, овации, свистки...
А победили, победили
Простые русские стихи.

И осененный тихой славой,
Неколебим, несокрушим
Тот самый ямб,
Тот «ямб картавый»,
Который с Пушкиным дружил.

Образ Пушкина, перед которым мы преклоняемся, должен здесь как бы окончательно «отменить» нашу молодую поэзию тех лет, а заодно и утверждение Маяковского, который, обращаясь к Пушкину, сказал в «Юбилейном»: «Вам теперь пришлось бы бросить ямб картавый». Круг замыкается, эстрадные «новаторы» возведены к Маяковскому, и выходит, что, в сущности, потерпело поражение целое поэтическое направление, которое к тому же отлучено от национальной традиции. Окончательно также выясняется, что страсти, которыми жили в свое время читатели и слушатели стихов, не стоят и гроша ломаного; все это — пена («Восторг, овации, свистки...»). А вот то направление, которое «победило» и к которому теперь принадлежит автор, как раз и воплощает, по его убеждению, национальную традицию, восходя непосредственно к Пушкину.

Стихи Валентина Сидорова окрашены непозитическим настроением самоудовольствия, самодовольства «победителя», столь противоположно-

Учись валянию, валять.
Цена классический пример.
Ты понимаешь, как создатель,
Что нужен вкус и глазомер.
Но опасайся! Следишь веном,
Оберегай твой резец,
Ведет к обманчивым победам
Неповторимый образец.

Казалось бы, вот она, пушкинская гармония, «тот самый ямб». Конечно, если убедить себя и своих «ликующих друзей», что Пушкин писал «простые русские стихи», какие сочиняют ныне, тогда нетрудно впасть в приятное самообольщение и осениться все той же «тихой славой». Глядишь, и Пушкин попал в «тихие» лирики. Нет, не с таким Пушкиным мечтал сговориться Маяковский: «Я люблю вас, но живою, а не мумию». Живою же России открывал поэт революции свое сердце: «Слушайте, уже не стук, а стон...» В устах Маяковского «ямб картавый» означает по сути не отрицание стихотворного размера, а великую жажду нового ритма и нового слова. Легче всего сегодня зацепиться за кажущиеся обмолвки и преувеличения сражающегося великана. И Пушкин, и Маяковский не знали «позорного благоразумия». Само постижение мира Пушкина немислимо сегодня вне мира Маяковского.

Собственно, стихи Валентина Сидорова подтверждают это. Он не случайно цитирует Маяковского. С активной, гражданственной позицией Маяковского переключается дерзкий клич молодого тогда Владимира Гордейчева: «Принимай бой! Со мною вместе встань здесь, сыны одной семьи, рыцари немедленного действия, верные товарищи мои!» И не только поэты поколения Вознесенского, Евушенко, Рождественского, Гордейчева, но и поэты-фронтовики, и зачинатели советской поэзии — «рыцари немедленного действия». Так продолжается Маяковский — во всем разнообразии поэтических голосов.

Чтобы двигаться дальше, надо было опираться на коренные пласты исторической памяти национальной культуры. Под знаком такого «возвращения» развивалась наша поэзия. Нарастала «волна возвратного прилива», усиливалась направление медитативное, философское, тяготение к истокам, к отечественной классике. Но, по моему убеждению, это не было «возвращением» через голову поэзии революции и начала века, мину напряженный драматизм современности, к «тихой славе» монументов. Чувство покоя, неуют, стремление к безмерному завещано и Блоком, и Маяковским, и Есениным, и нашей поэтической классикой.

Николай Рубцов ощущал современность в образе несущегося поезда, которому грозит смертельная опасность, но который должен быть спасен:

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лягзаньем и свистом,
И ему навстречу желтым роом
Понеслись огни в просторе мгlistом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,

Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

Это уже не просто поезд, а поезд земли, поезд человечества, поезд страны. Нельзя допустить крушения, «если столько в поезде народу». Поэт «не смеет мыслить о покое» и разделяет вместе с современниками «быстрое движенье» всего мира. Рубцов и верит в доброе будущее, и предупреждает об опасности. Стих драматичен, собран, стремителен. Это традиционный русский стих, но вобранный и динамизм нашей эпохи, и ритмы поэзии двадцатого века. Все-таки не похоже на Некрасовское: «Быстро лечу я по рельсам чугунным, думаю думу свою». Иные думы, иные скорости, иные времена... А забота одна — счастье народа. Советский поэт не может не связывать судьбу своего народа, своей страны с грядущей судьбой человечества.

Стилевые течения в поэзии были и есть, но между ними много общего, они взаимно нужны друг другу и спаяны одной «нервной системой» отечественной культуры, одним временем. В состязании, развернувшимся между поэтическими направлениями за последнюю четверть века, не оказалось, на мой взгляд, победителей, ибо ни одно из них не выдвинуло поэта эпохи. В чем здесь дело? Чтобы ответить на этот вопрос, важно, мне кажется, понять, по какому пути идет развитие современного лиризма. Противоречия всего поэтического развития рельефнее в творчестве значительных лириков.

В стихотворении Василия Казанцева, тонкого и тонкого лирика, пушкинский поэт-пророк молит небесного посланника освободить его от дарованного чуда:

— И плащ, и посох
в тягостей мне...
Но горше, тягостей стократно —
Угль негасимый в глубине.
Он — жжет... Возьми его обратно.

И он мне грудь мечом рассек,
И прокатился гром в пустыне:
— Забудь свою печаль.
Отныне Ты — не пророк, но человек.

Иными словами, поэт-пророк превращается в литератора, который может выпустить книгу, но не может спасти мир, воскресить человека, совершить подвиг. Поэту возвращен его «грешный язык», «и празднословный, и лукавый», но у него отнята способность «глаголом жечь сердца людей». Однако Василий Казанцев на этом не обрывает воображаемый сюжет, ибо все оказывается сложнее: В груди — зияет след меча Незаживающей раной. Песок — светла и горяча — Красит струином багряной. Поэт-пророк, лишившись

тую и активную позицию, это значит принять на себя ответственность и безоглядно раньше всех шагнуть в будущее! Но поэт, лишившийся чудотворных сил, «слишком скоро прощай виноватым, слишком мягко, нестрого судил». «Ждал, надеялся... Слишком боялся виноватым прослыть — виноват».

Старинное понимание лиризма — это «бесстрашная искренность», полная самоотдача: «Там человек сорел!» (А. Фет). Вослед такому пониманию Давид Самойлов говорит:

Надо себя сместь
И превратиться в речь,
Сместь себя дотла,
Чтоб только дотла жгла.

Но самому Давиду Самойлову не свойственна обжигающая речь, даже и в его памятных стихах прямого гражданского пафоса («Сороковые...», «Перебирая наши даты», например). Д. Самойлов, по верному определению Евг. Евушенко, владеет «многотонационной мягкостью». Речь поэта располагает нас, как гостеприимная беседа у доброго очага. Но бесстрашия в ней нет, есть притупленность, есть и свой ущерб, называемый самим поэтом: «Гроз за без грома — вечный мой Удел...»

«Я своего стиха оставил стиль спартанский», — говорит Д. Самойлов и так определяет свой поздний стиль: «Я сделал вновь поэзию игрой в своем кругу. Веселой и серьезной...» Д. Самойлов отделяет стиль поэтической игры от призвания иной музы, — видимо, некрасовской: Да! Должное с почтенным отдаю

Боратынского, «Последние песни» Некрасова, «Все сочиненное...» Маяковского, «Ночные часы» Блока, «Орда» и «Брага» Тихонова, «Сестра моя — жизнь» Пастернака, «Стихотворения» Заболоцкого, «Из лирики этих лет» Твардовского, «День России» Смелякова... Книги-события, книги-миры утвердила русская поэтическая культура. И в этом ряду мало что вспоминается из новых названий.

Бросается в глаза, что упало также искусство отдельного стихотворения (об этом, кстати, писала в «ЛГ», № 16, 1982 г. И. Ростовцева). Ведь только то стихотворение, которому отдано все, в котором вся жизнь, только оно звучит, живет, поется, помнится — остается с нами навсегда. А что у нас сегодня на слуху? Какие стихи стали крылаты? Вы молчите... Легче назвать многие имена поэтов, чем вспомнить одно стихотворение. А что такое поэзия без любимых строк и строф — без праздника, который всегда с тобой?

Почти не стало стихов-подступков. Нет, не популярно сегодня утверждение Маяковского: «Поэзия начинается там, где есть тенденция». И кажется, некому воскликнуть: Пустьите!

Меня не остановите,
Вру я, в праве ли,
но я не могу быть спокойней.

Смотрите — звезды опять обезглавили и небо орозовали бойней! Так говорил он, «красивый, двадцатидвухлетний», в начале двадцатого века. А разве небо и земля наших дней не взывают еще громче к совести и поэзии?